

чального средневековья, так и, еще больше, позднего яркую ноту социального и политического протеста⁹⁶.

Особенно важно для Грановского то, что и в духовной жизни средневековья, на которой, по его словам, «лежала печать» религиозности⁹⁷, философская мысль не замирает, а находит для себя новые русла. Такой, судя по записям, видится ему ранняя схоластика (XI—начала XIII в.), которую он отделяет от схоластики более позднего времени, когда средневековая наука «утрачивает свой» величавый характер, юношескую отвагу, пытливість». Но и сама ранняя схоластика не кажется ему однозначной. Богословам ортодоксального направления он противопоставляет тех мыслителей, которые предпринимали «поиски разума» ради обоснования веры. За смелость этих поисков церковь преследовала и травила их. Грановский привлекает внимание слушателей к фигурам Герберта, Эриугены, Абельяра и их последователей, подчеркивая присущее им умственное бесстрашие, бескорыстную преданность науке⁹⁸. Эриугену, который требовал, чтобы вера не противоречила разуму, он считает «стоявшим выше века». Выразительно рисует Грановский личность Абельяра. Высоко ценя его за то, что он «отказался от права первородства, от войны, в надежде... прославиться на подвиге мысли»⁹⁹, лектор выделяет в этом его подвиге то, что Абельяр науку «вывел на площадь» (см. конец лекции 43), касаясь «глубоко, смело» не только политических, но и богословских вопросов. В нравственном учении Абельяра Грановский видит «стороны, резко противоположные католической церкви»¹⁰⁰.

Можно оспаривать некоторые характеристики и оценки учебного, по пельзя не заметить, что все они проникнуты одной идеей — противоборства ищущего ума и слепой веры, науки и авторитарной церкви, которая находит опору в светской власти и сама становится неотделимой частью господствующего феодализма¹⁰¹. К середине XIII — началу XIV в., читаем в лекциях, папство взяло верх над «смелыми попытками схоластики», сумев одновременно одержать и другую победу — над ересями Европы. Разгул инквизиции, призванной «судить мысли человека», однако, не остался без отпора. Ареной духовных сражений явились университеты. Лектор рисует привлекательный образ Гильома де Сент-Амура, борца против засилья доминиканцев и францисканцев в Парижском университете.

⁹⁶ ГБЛ, ф. 178, 3598, XXV, л. 177, 189.

⁹⁷ «Религия, — отмечал Грановский, — наложила печать на все явления средневекового искусства»; поэзия, литература средних веков также пропитана «религиозным элементом» (Там же, XXII, л. 6 об.).

⁹⁸ Там же, XXV, л. 165.

⁹⁹ ОПИ ГИМ, ф. 345, ед. хр. 19, л. 113 об.

¹⁰⁰ Там же, л. 115 об. Абельяр был неутомимым учителем. Окружение его представляло «какой-то страстующий университет, сопровождавший одного глубоко уважаемого наставника», говорил Грановский (ГБЛ, ф. 178, 3598, XXV, л. 164).

¹⁰¹ ГБЛ, 3598, XXVI, л. 33 об.; XXV, л. 97, 166—167.